

УДК 821.161.1
ББК
83.3(2Рос=Рус)6

«ЮВЕНИЛЬНОЕ ДЕЛО»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА

© 2018 г. Н.И. Дужина

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 29 марта 2018 г.

Дата публикации: 25 сентября 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-176-197

Аннотация: Статья посвящена истории текста повести «Ювенильное море» в творческой биографии писателя. Ситуация с этой повестью во многом типична для произведений А. Платонова: когда написана, точно не известно; ее название — под вопросом. Свет на многие исследовательские проблемы проливает реальная история повести, представленная ее автографом и машинописями, а также отзывами современников и другими свидетельствами эпохи. Собранные вместе, эти документы составляют целое «Ювенильное дело» — случайная описка регистратора повести в ОГПУ, где она побывала. Статья построена на архивном материале и включает опирающуюся на документы предысторию написания повести; описание ее автографа, с приведением вычеркнутых фрагментов, что дает представление о работе и позиции автора; анализ двух слоев авторской правки в машинописи; все выявленные отклики на повесть современников писателя — иногда не формальные; материалы по попыткам Платонова опубликовать фрагмент повести в виде рассказа «Стройматериалы и оборудование». Цель статьи — представить документальную историю повести: восстановить фрагмент творческой биографии Платонова в контексте литературы времени и отзывов современников; собрать вместе все свидетельства о повести современников писателя. Материал статьи позволяет сделать вывод о том, что повесть «Ювенильное море» была написана весной 1932 г., что ее содержание связано с краеведческой тематикой времени и что Платонову, несмотря на все внешние попытки, не удалось написать социалистическое по духу произведение.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «Ювенильное море», история текста, автограф, датировка, публикации, рецензии.

Информация об авторе: Наталья Ильинична Дужина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: duzinati@yandex.ru

Для цитирования: Дужина Н.И. «Ювенильное дело»: история одной повести А. Платонова // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 176–197.
DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-176-197

"A JUVENILE CASE" – THE HISTORY OF A STORY BY ANDREY PLATONOV

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018. N. I. Duzhina

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: March 29, 2018

Date of publication: September 25, 2018

Abstract: The essay discusses Andrey Platonov's story "A Juvenile Sea" and its place in his biography. The article describes external circumstances behind the story's composition, Platonov's unsuccessful attempts to publish the work as a whole, and how he then went on to rework it into a number of shorter stories. Everything concerning the story is very Platonovian. There is no certainty when it was written; its title is in question since Platonov kept changing it; its images, content, and authorial standpoint are bewildering. The story's publication history — i.e. the manuscript, reviews of Platonov's contemporaries and other documentary evidence — cast light on some of these difficulties. Collected together, they constitute an article "A Juvenile Case" — as the story was mistakenly transcribed by the OGPU (security police). The article relies on archival materials. It includes the story's prehistory, a description of the manuscript and of the passages deleted from this manuscript. The latter help establish the nature of Platonov's work and authorial standpoint. The article also includes all known references (both formal and casual) to the story by Platonov's contemporaries and details of Platonov's attempts to publish a short extract from the story under the title "Construction Materials and Equipment." The aim of the article is documentary, i.e. to establish a chapter of Platonov's biography as a writer in the literary context of his time, to collect all factual evidence about the story, and to provide objective information about its real-life context. The article establishes that the story "A Juvenile Sea" was written in the spring of 1932, that its subject matter is intimately connected to local historical events, and that Platonov had not succeeded in writing a work that was socialist in spirit.

Keywords: Andrey Platonov, "A Juvenile Sea," history of the text, manuscript, dating, publication, reviews.

Information about author: Natalya I. Duzhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: duzinati@yandex.ru

For citation: Duzhina N.I. "A Juvenile Case" — The History of a Story by Andrey Platonov. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 3, pp. 176–197. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-176-197

История повести «Ювенильное море» во многом типична для творческого наследия Платонова: при жизни писателя не была опубликована, хотя он и делал для этого несколько попыток; ее датировка под вопросом; ее названия менялись; ее содержание вызывает недоумение — то ли типичное произведение советской литературы, то ли пародия на нее. На эти и многие другие вопросы в какой-то степени отвечают дошедшие до нас документы ее творческой истории, в том числе автограф и машинописи, рецензии и воспоминания современников, все зафиксированные попытки опубликовать «Ювенильное море» целиком или частично. Собранные вместе, эти документы рассказывают удивительную историю повести, которая побывала даже в ОГПУ, где едва не получила новый титул: «Ювенильное дело».

Повесть «Ювенильное море» появилась в результате поездок Платонова в конце августа — сентябре 1931 г. по животноводческим совхозам Средневолжского и Северокавказского краев. Этой поездке предшествовало драматическое для писателя лето 1931 г., когда на него обрушилась критика за повесть «Впрок» (опубликована в журнале «Красная новь», 1931, № 3). У истоков этой критики стояла записка И. Сталина в редколлегию журнала: «Рассказ агента наших врагов, написанный с целью развенчания колхозного движения и опубликованный головотяпами-коммунистами... <...> Надо наказать и автора и головотяпов так, чтобы наказание пошло им “впрок”» [8, с. 288]. И Платонова наказали: 10 июня 1931 г. в «Литературной газете» опубликована статья А. Селивановского «В чем “сомневается” Андрей Платонов», 12 июня в газете «За коммунистическое просвещение» — статья Д. Ханина «Пасквиль на колхозную деревню», 18 июня в «Правде» — статья В. Дятлова «Больше внимания тактике классового врага», 3 июля в «Изве-

стиях» — статья А. Фадеева «Об одной кулацкой хронике». Затравленный этой «критикой», Платонов пишет письма — И. Сталину: «Товарищи из рапповского руководства оценили мою работу как идеологически крайне вредную. <...> Я увидел, что товарищи из РАППа — правы, что я заблудился и погибаю. <...> ...Я оставляю в стороне всякую заботу о своей личности и стараюсь найти способ, каким можно уменьшить вред от опубликования повести “Впрок”» [8, с. 284–287], в редакцию «Правды» и «Литературной газеты»: «Моя работа, несмотря на положительные субъективные намерения, объективно приносит вред. <...> Главной же моей заботой является теперь... создание таких произведений, которые бы с избытком перекрыли тот вред, который был принесен автором в прошлом» [8, с. 291–293, с. 298–299], А.М. Горькому: «...я не классовый враг...» [8, с. 304–306]. Больше всего в эти трудные дни Платонов хочет уехать из Москвы; деньги на командировку он пытается найти через краеведческую секцию ВССП, посылающую большую группу писателей в различные районы СССР, о чем сообщает «Литературная газета» в статье «Перед всероссийской конференцией ВССП»: «Этим летом краеведческая секция отправляет в различные районы СССР 12 писателей (сроком на 2–3 месяца). Писатели обязуются дать определенный листаж литпродукции, показать в художественных очерках, повестях и рассказах героев социалистической пятилетки»¹. К этой группе писателей Платонов и пытается присоединиться. 10 июня 1931 г. пишет жене, отдыхающей с сыном в Сочи: «Уехать я хочу страстно, но нужно достать деньги. С краеведами еще ничего не вышло. Все обещают на днях, а дни идут» [8, с. 296]. Однако деньги удалось найти не сразу. В результате с 3 по 13 августа 1931 г., на фоне развернувшейся травли, Платонов пишет пьесу «Объявление о смерти», в какой-то степени автобиографическую [5, с. 187]. И сразу после этого ему удалось договориться с объединением «Скотовод», который считался краеведческой организацией и с которым правление ВССП заключило договор о сотрудничестве, и решить вопрос о своей поездке. В результате 15 августа 1931 г. Всесоюзным государственным объединением «Скотовод» писателю выдано командировочное удостоверение, в котором указывалось, что «тов. Платонов, занимающий должность члена о-ва писателей-краеведов, командировается в Средневожский край по совхо-

1 Литературная газета. 1931. 30 июня. С. 4.

зам»². Согласно этому командировочному удостоверению, Платонов выехал из Москвы во второй половине августа, а вернулся во второй половине сентября. Командировка была долгой, а маршрут писателя — длинным: из писем известно, что во время командировки он посетил города Северного Кавказа и Средней Волги — Орск, Самару и Ставрополь, а также ряд совхозов [8, с. 314–316]; в относящейся к поездке записной книжке есть, кроме того, записи, сделанные в ЦЧО, Хакассии и Средней Азии и др. [7, с. 81–92]. Платонов собирает материал для нового произведения, которое могло бы «уменьшить вред от опубликования повести “Впрок”».

Для тех писателей-краеведов, которые уехали раньше Платонова, поездка завершилась в начале сентября, о чем в статье «Писатели-краеведы в районах строительства» и сообщает «Литературная газета»: «Краеведческая секция ВССП послала в районы строительства, колхозы и совхозы около 20 писателей. На днях, на расширенном заседании секции писатели-краеведы гг. П. Сухотин, П. Ширяев (Иссык-кульский конесовхоз), П. Скосырев (проблема Терека), Д. Стонов (Магнитогорск) отчитались в своей работе. <...> Планируется выпустить краеведческий альманах по результатам поездок писателей»³.

Все писатели, посетившие районы социалистического строительства, должны были отчитаться перед краеведческой секцией ВССП новыми произведениями о «героях социалистической пятилетки» — это было условием командировки. Вероятное всего, таким отчетным произведением и стало «Ювенильное море», что наложило отпечаток не только на образы героев пятилетки в повести, но и на образы ее антигероев, материал для которых Платонов берет, в частности, в «Деле историков и краеведов» 1929–1931 гг. [3, с. 120–124], стараясь придерживаться краеведческой тематики и политической тенденции времени.

Но возникает первый вопрос: а когда же Андрей Платонов отчитался перед краеведческой секцией о своей работе — иными словами, когда он написал «Ювенильное море»? По логике он должен был сделать это осенью 1931 г. Однако некоторые особенности автографа, литературный контекст повести, а также имеющиеся данные о попытках ее опубликовать говорят за то, что «Ювенильное море» родилось только весной 1932 г. В пользу этой

2 РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 6.

3 Литературная газета. 1931. 10 сентября. С. 4.

версии свидетельствует и стенограмма творческого вечера Андрея Платонова, состоявшегося во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г., — перечисляя написанные им произведения, Платонов ни разу не называет «Ювенильное море», хотя это было бы положительным фактом его отчета [6, с. 294]. Никаких упоминаний о «Ювенильном море» до мая 1932 г. в настоящее время не обнаружено.

Создается впечатление, что сразу после поездки у Платонова не было идей по поводу сюжета новой повести. Все, что было, — это записка о жизни в животноводческих совхозах⁴ и записи на ту же тему в записной книжке [7, с. 81–92]; среди этих записей — только одна, напрямую относящаяся к персонажам будущей повести: «Умрищев из невыясн<енных> / Случайно:» [7, с. 82]. В следующий раз Умрищев, а также другие основные герои этой еще не родившейся повести — Вермо, Босталоева и Федератовна — появляются в черновых набросках драматургической формы [2, с. 256–260], которые, по упомянутым там реалиям, датируются 1931 г. Может быть, эти наброски свидетельствуют о неудавшихся попытках Платонова сделать отчетное произведение в виде пьесы? Из этой несостоявшейся пьесы написано несколько разрозненных сцен. От одноименных героев повести персонажи пьесы существенно отличаются: Умрищев здесь — профессор с портфелем; Босталоева уехала из Москвы строить фундамент социализма на окраине страны и живет в крытой арбе (телега на Кавказе и Средней Азии), детально описанной, что может свидетельствовать о стремлении Платонова воспроизвести местный колорит и написать краеведческое по духу произведение; Вермо — московский возлюбленный Босталоевой, о котором сообщается только такая странная портретная деталь, как «кривой зуб». Но ученая старушка Федератовна изменится мало. Речи ее и Умрищева почти полностью перейдут затем в «Ювенильное море».

Что все-таки могло послужить толчком к написанию «Ювенильного моря»? Едва ли уже выношенный замысел всего произведения. Скорее, это была необходимость отчета перед краеведческой секцией ВССП, пославшей Платонова в командировку; первым (судя по некоторым деталям, о которых будет сказано ниже) известным откликом на повесть стала рецензия П. Скосырева, коллеги Платонова по поездке от краеведческой секции: ре-

4 РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 131. Л. 1–4.

цензия отвергала повесть именно как краеведческое произведение, не подходящее для краеведческого альманаха.

Вероятно, «Ювенильное море» было написано в короткий срок. Об этом свидетельствует прежде всего автограф, который ясно показывает, что Платонов пишет быстро, без особого плана и очень небрежно; фразы часто не складываются, что у Платонова бывало крайне редко, он перебирает разные слова, потом зачеркивает весь фрагмент. Много вычеркивает, когда повествование идет «не туда». Зачеркнутое иногда по нескольку раз переписывает, почти не внося изменений; иногда бросает недописанным. Вот, например, некоторые характерные фрагменты, зачеркнутые писателем по ходу работы; в них видны и небрежность письма, и неопределенность замысла, и даже время действия повести.

Так, повествуя о «невьясненных», т. е. о проходящих партийную чистку, которые рассказывают про свою жизнь, Платонов неожиданно «уклоняется» в философию: один из таких «невьясненных», говоривший о своей скрытой болезни, «напоролся на человека, который отверг такой мотив. “Раз ваша болезнь так глубоко скрыта, что вы ее не чувствуете, то это есть “вещь в себе”, а вещь в себе открыл Кант, будучи идеалистом, врагом Маркса и защищая неприкосновенность собственности: стало быть, вещи в себе нету и нет вашей болезни”. — “Тогда я здоров”, — ответил выяснившийся и пропал с тех пор из резерва невясненных. Сам Умрищев выяснился нечаянно, и то неокончательно. Он напоролся на столь же умного служащего человека, как и сам; человек ему сказал: “если ваша болезнь...»⁵.

В истории о том, как «сам Умрищев опростался однажды от невясненности», в окончательном тексте повести рассказывается о помощи случайного начальника случайно встреченного Умрищевым на улице, но сначала она излагалась иначе, слова же при этом не всегда согласовывались: «...он выступал однажды на собрании ячейки РКК, собравшейся в той учрежденческой комнате, где он ночевал, с каким-то уклончивым мнением, — и Умрищеву на следующий день дали назначение в мясосовхоз, с тою целью, чтобы до-выяснить его на практической работе. И чем больше объяснял Умрищев свою долю, тем грустнее становилось Вермо...» (л. 16).

5 ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 15. Далее ссылки на листы автографа даны в тексте статьи.

Круг героев повести с самого начала не был строго очерчен: в ходе повествования новые персонажи появлялись легко — и тут же исчезали, например: «Умрищев велел позвать гуртового инженера Ознобкина, Босталоеву, делопроизводителя Мелкова, выходного полевого гуртоправа Цукайло, старушку Федератовну, а заодно и Босталоеву с музыкантом. Умрищев любил...» (л. 47).

В спешке Платонов применяет к Умрищеву, и без того являющемуся сосредоточием почти всех идеологических обвинений начала 1930-х гг., дополнительные политические клише: «Но впоследствии Умрищева ожидала печальная скучная доля [механиста — зачеркнуто. — *Н.Д.*] гнуснейшего тактика оппортунизма, еще ползущего под пузом шевелящегося поверженного кулака безвыходного оппортуниста, и блуждания в дебрях экле...» (л. 102).

Многочисленные в повести рассуждения о диалектике Платонов сначала пытался приписать еще и Федератовне: «...старуха практически знала, насколько мучительно-диалектически земное существование, и насколько эта диалектика состоит из точных порций — так что трудно было войти между этими порциями бедной фантазии человека. Маркс, Энгельс, Ленин и теперь Сталин непрерывно следят за движением в мире диалектических порций и в такт этому движению направляют силы пролетариата, — и лишь тогда пролетариат изменяет жизнь» (л. 119).

В автографе периодически встречаются фрагменты текста, когда Платонов пишет слова, а фраза не складывается, что у него бывало крайне редко: «...чувствуя, что дерущиеся диалектические сущности его сознания лежат свалившись от утомления: — Надежда Михайловна, я изобрел электричество из солнечного света. Нужно сделать оптический трансформатор — он будет превращать пульсацию солнца, луны, звезд, свет человеческих глаз — в электрический ток. Мы живем в [нрзб.] энергии, в любую точку над своей головой в середине водопада энергии в любую точку над в любой точке дня и ночи вы можете поставить оптический кристалл и принимать энергию... До свидания, Надежда Михайловна, — сказал вдруг печально Вермо. — Я ехал с вами утром и увидел на небе электрическую энергию...» (л. 157); «Инженер Вермо, насмехавшийся ранее над дурной унизительной организацией труда в над низкой производительностью труда, сам теперь увидел буржуазность своей насмешки. Он чувствовал стал смотрел по ночам, как спят развернул фронт работ сразу — по всем сопротивлениям...» (л. 260).

Возможно, испытывая дефицит подходящих тем, Платонов активно использует в повести свои старые темы и образы, в том числе доверяет героям собственное изобретение, «вольтову дугу», которую они предлагают как средство добывать из-под земли воды «ювенильного моря» — но вначале предполагалось другое ее применение: «— Зачем же голое мясо то везти, головы? — спросил Кемаль. — Консервы надо делать и колбасу коптить; нужно стремиться к высшему продукту! — А банки где возьмешь? — сомнительно спросил рабочий из этой бригады. — Банки?! — враз задумался Вермо. — Мы будем делать не банки, а горшочки — мы поставим гончарное производство: надо только продумать автоматический формовочный станок и печь из вольтовой дуги!» (л. 238).

Известно, что в окончательном тексте повести Вермо читает сборник статей И. Сталина «Вопросы ленинизма», но сначала он читал не только Сталина, но и Ленина: «По совету Кемалья Вермо ввел добавочную зарплату и люди так умаривались, что не могли смыть водою свой пот и им не хватало сна для забвения усталости. Рассматривая однажды ночью книги Босталоевой, Вермо нашел “Вопросы ленинизма” Сталина и несколько томов Ленина; он начал их перечитывать...» (л. 261). При этом из параллельного чтения героем двух вождей, Ленина и Сталина, Платонов чуть не сделал вывод в пользу большего ума Ленина: «Под утро Вермо, начитавшись Ленина, затем вновь возвратился к Сталину, и беспокойство его возрастало. В нем происходило знание Он догадался о чем-то хотел догадаться об этой тайне книги Сталина, с целью использования Он находил мысль, но терял ее от радости открытия и снова ощущал в темноте сознания тайну Вышел наружу, залез на башню, снова увидел высоту солнца вышел наружу, лег вниз лицом в степь и подумал: “Я дурак, я что-то недооцениваю — начитавшись, начал думать, что он недостаточно умен, сравнительно...”» (л. 265–266).

В какой-то момент в повести проскальзывает даже указание на время действия — очень ценное для ее датировки, — но Платонов вычеркивает фразу: «До самой весны 1932 года Федератовна не получала писем от Босталоевой» (л. 275).

И уже в конце повести писатель вычеркнул такую фразу: «Здесь Федератовна, как была почти голая, так и вскочила со своего ложа и укусила Умрищева за оппортунизм», — написав вместо нее более нейтральный ва-

риант: «Здесь лежащая Федератовна обернулась к Умрищеву и укусила его за оппортунизм» (л. 277).

Но больше всего в автографе фрагментов, вычеркнутых и снова написанных практически без изменения: Платонова явно не устраивает то, что он пишет.

Автограф зафиксировал два названия повести: первое — «Ювенильское море» — зачеркнуто и вписано новое, «Степное дело». При этом нельзя сказать наверняка, что выбор названия предшествовал работе над текстом; как в первом, так и во втором варианте, оно могло быть придумано уже после ее завершения (так, вероятно, и произошло) и вписано на оставленном для этого месте. Чем была вызвана замена названия? Тем ли, что Платонову вдруг больше понравилось назвать ее «Степным делом», или тем, что название «Степное дело» больше соответствовало требуемому от краеведческого произведения указанию на местность, чем «Ювенильское море»? Если судить по дальнейшей истории текста, то второе предположение кажется все-таки более вероятным. На титульном листе автографа есть указание машинистке: «4 экз.». Дальнейшая история текста повести полностью отражена в этих машинописях и согласуется с известными попытками ее опубликовать.

Об этих попытках свидетельствуют сохранившиеся документы — договор на издание повести и отзывы, которые к тому же фиксируют последующие изменения в ее названии. Во-первых, это уже упомянутый отзыв П. Скосырева на пока еще «Степное дело» для какого-то краеведческого альманаха — вероятно, того, что заявлен в «Литературной газете» и планировался по результатам поездки, но, похоже, так и не был издан. Главная мысль отзыва — повесть лишена элементов, образующих подлинно краеведческое произведение; главный вывод рецензента — печатать повесть в альманахе нельзя: «А. Платонов “Степное дело” (повесть). Очень талантливая вещь. Среди прочих произведений А. Платонова выделяется большей композиционной организованностью. Система образов позволяет говорить о “Степном деле” как о художественной победе Платонова. Но тем не менее печатать ее в альманахе нельзя. Прежде всего, она лишена всех элементов, образующих подлинно краеведческое произведение. Построенная на местном материале (совхозы Киргизии — видимо), она абстрагирует явления; местное перестает играть какую-либо роль... <...> Кроме же того — столь безобразной встает жизнь нашей страны в этой повести, что нет особого

желания помещать ее на страницах альманаха. Разве отдельные кусочки, маленькие главки — по выбору»⁶.

Возможно, Платонов отдал повесть на отзыв Скосыреву сразу, как только получил машинопись от машинистки, еще даже не успев вычитать текст (ибо, как свидетельствует машинопись, уже при первой серьезной вычитке текста он поменяет название), предположительно в апреле-мае 1932 г. Не исключено, что повесть на прочтение Платонов давал не только Скосыреву, один из таких эпизодов, связанный, судя по всему, со «Степным делом», отражен в воспоминаниях К. Зелинского под датой «4 мая 1932 г.» и свидетельствует о том, что в начале мая 1932 г. Платонов показывал какое-то свое новое произведение, по описанию похожее на «Степное дело», Всеволоду Иванову, в то время редактору «Красной нови»: «Второго мая. Обедаю у Всеволода Иванова. <...> Всеволод входит. — ...Читал вот новую вещь. Платонова. Дал нам. Анархизм опять. Талантливо, но черт те что. Ни партии, ни советской власти, совхоз какой-то...» [4, с. 135].

Отдав новую повесть на прочтение Вс. Иванову и, возможно, П. Скосыреву, в начале мая 1932 г. Платонов уезжает в Ленинград и на Свирьстрой — в командировку от газеты «Известия», о чем свидетельствует выданное ему редакцией газеты «Известия» Соглашение о том, что «Тов. Платонов, выезжающий 5 мая с.г. в Ленинград и на Свирьстрой сроком на один месяц, дает редакции четыре очерка...»⁷. Находясь в Ленинграде, 16 мая 1932 г. Платонов подписывает договор с Издательством писателей в Ленинграде на публикацию повести «Степное дело» — с предоставлением издательству права «на издание и переиздание своего труда под названием “Степное дело” размером до 6 печатных листов» и представлением издательству самой повести «в совершенно готовом виде не позже 25 мая 1932 г.»⁸ — возможно, текста повести у него при этом не было. Однако в Издательстве писателей в Ленинграде «Степное дело» издано не было. Очень вероятно, что оно туда не было и представлено.

Дальнейшая история повести связана уже с другим ее названием — «Ювенильное море»: именно как «Ювенильное море» повесть будет упоминаться в рецензиях и свидетельствах современников, пока Платонов

6 ИМЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1.

7 РГАЛИ. Ф. 2024. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3.

8 РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 7.

опять ее не переименует. Похоже, что возвращение этого первого названия повести произошло при первой серьезной вычитке текста автором; подобная вычитка обычно имеет место не в очень удаленное от написания время.

Изучение тех экземпляров машинописи, которые сохранились более или менее полно, приводит к следующей реконструкции истории ее текста. Итак, получив от машинистки машинопись под названием «Степное дело» и даже не успев вычитать ее, Платонов, как представляется, отдает ее более или менее одновременно П. Скосыреву для какого-то краеведческого альманаха и Вс. Иванову в «Красную новь», сам же едет в Ленинград. Вероятно, только после возвращения в Москву он серьезно вычитывает машинопись: исправляет опечатки и очень грубые ошибки машинистки, а также вносит кое-какие изменения в текст, при этом правит, как он это часто делает, одновременно два экземпляра; наличие общей в двух экземплярах правки позволяет отделить данный слой исправлений от последующих.

Эта первая серьезная правка 1932 г. нейтральна в идеологическом отношении и скорее стилистическая; кроме исправления обычных опечаток, Платонов устраняет допущенные машинисткой несуразности, а их немало. Так, например, во фразе «Умрищев стал как бы неясен, нечеток, персонально чужд...» машинистка сделала ошибку и вместо «персонально» напечатала «нереально»; только теперь Платонов эту ошибку исправляет⁹. Кроме этого, в одном фрагменте машинистка неправильно прочла слово и вместо «постороннего» напечатала «ресторанного», в результате чего получилось следующее: «Священный сел на скамейку в отдышке от собственной тяжести — хотя он не был толст, а лишь громаден в костях и во всех отверстиях и выпуклостях, приноровленных для ощущения всего ресторанного». Платонов исправляет и эту грубую ошибку — зачеркивает «ресторанного» и вписывает «постороннего» (с. 78), как и было в автографе. Одно исправление, которое Платонов сделал в автографе, машинистка не учла, он написал сначала: «Где же тут сидит самая категорическая стерва?», но потом зачеркнул слова «категорическая стерва» и написал «принципиальный стервец»¹⁰; машинистка же, не обратив внимание на вычеркивание, напечатала оба вы-

9 ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 41. С. 5 (по исходной нумерации машинописи); ГЛМ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 25. С. 5 (по исходной нумерации машинописи). В дальнейшем ссылки на страницы машинописи даны в тексте статьи.

10 ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 215.

ражения: «Где же тут сидит самая категорическая стерва? принципиальный стервец?» Платонов вычеркивает «категорическую стерву» в обоих подвергшихся правке экземплярах.

На этом уровне правки он также заменяет некоторые слова и выражения, чем-то не нравящиеся ему стилистически; например, после слов «предал суду десять служащих своего ведомства, дабы они...» вычеркивает часть предложения: «получили примерное наказание и впредь не занимались заготовкой людей впрок» и вписывает: «имели случай опомниться от своих делов»; в предложении «На следующий день доярку Айну хоронили» вычеркивает «хоронили» и вписывает «понесли в гробу два выходных пастуха»; имя Федератовны «Пелагея» заменяет на «Мавра»; в выражении «пространство, напряженное безвыходной и безмолвной электромагнитной энергией солнца» зачеркивает слово «безвыходной» и вписывает «грозной»; в предложении «Проводи классовую политику» заменяет слово «проводи» на «соблюдай» и др.

И что особенно важно для датировки этой правки — одновременно с ней Платонов изменяет название повести и возвращает то самое, которое было вначале. Делает он это следующим образом: срезает у двух машинописей верх страницы с названием «Степное дело» и на свободном месте вписывает от руки: «Ювенильное море (Море юности)», так что никаких следов того, как повесть называлась прежде, на этих машинописях не остается. Таким образом, у Платонова оказывается два более авторитетных, с исправленными опечатками, экземпляра машинописи под названием «Ювенильное море»; и два экземпляра «Степного дела» без правки.

Вычитав текст, внося в него все необходимые исправления и изменив название, Платонов отдает машинопись в редакцию — теперь уже в московское издательство «Художественная литература» (ГИХЛ), о чем свидетельствует сохранившаяся в его фонде рецензия, написанная Л. Резником: «Андрей Платонов “Ювенильное море”. Эта повесть посвящена одному из важнейших отрицательных явлений нашей жизни — оппортунизму. <...> ...На этой повести со всей яркостью сказалась обычная для творчества А. Платонова (последних лет) ошибка. Отдельные недостатки и язвы нашего аппарата, отрицательные явления жизни столь выпячены, что в общем создают картину сплошной бракованности всей системы. Этот гиперболизм обобщений и нанизываний отрицательного создает в итоге объективно па-

скивлянтский характер повести. Она выглядит злобной и неверной сатирой на действительность. Ясно, что об издании подобной вещи не может быть и речи»¹¹.

В 1933 г. машинопись «Ювенильного моря» (именно «Ювенильного моря», а не «Степного дела») оказалась в ОГПУ (принесена туда кем-то из его агентов, взявших повесть у писателя на прочтение), где с нее была сделана сокращенная копия: частичная перепечатка, вперемешку с пересказом, всего 77 страниц. На первой странице этого «дела» в архиве ФСБ написано «Ювенильное дело»; слово «дело» зачеркнуто, и вместо него вписано «море». В результате этого исправления вся надпись выглядит так: «Ювенильное море (Море юности). Роман» — и стоит дата: «Москва 1933 г.»; в верхнем левом углу — помета: «Получено через агентуру». На второй странице — запись: «Ювенильное море / Выписки из романа»¹². Сравнение тех фрагментов машинописи ОГПУ, которые являются перепечаткой, с оригинальной машинописью повести также помогает в датировке двух слоев ее правки.

Следующее свидетельство о «Ювенильном море» — тоже от ОГПУ: в материалах его слежки за Платоновым есть запись от 20 октября 1933 г.: «Рукопись “Ювенильное море” возвращена, даже без отзыва, из альманаха “Год 16-й”» [1, с. 852].

Однако, несмотря на все неудачи с публикациями в 1932–1933 гг., Платонов не теряет надежды и в 1934 г. вновь пытается издать повесть, уже серьезно ее переделав. Следы этой попытки тоже сохранила машинопись — одна из тех двух, которые он уже вычитывал и правил. Прежде всего, Платонов снова изменяет название, вернее, избавляется от его необычной первой части «Ювенильное море» и оставляет только вторую — «Море юности». Так как вписывать новое название уже было некуда — из-за отрезанного ранее названия «Степное дело» первая страница машинописи оказалась укороченной, — Платонов отдает эту страницу на перепечатку и затем вписывает от руки сверху: «Море юности (Повесть)». Вместе с первой страницей он одновременно перепечатывает еще и последнюю — вероятно, там были какие-то свидетельства предыдущих попыток публикации; иначе невозможно объяснить перепечатку этой страницы, ибо на ней нет никаких

¹¹ РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 2. Ед. хр. 246. Л. 228.

¹² ФСБ. Ф. К-4. Оп. 1. Порядок 62. Л. 2.

исправлений. В конце перепечатанной страницы Платонов проставляет от руки дату, позволяющую определить время данной правки: «1934». В сам текст он тоже вносит много исправлений, на этот раз свидетельствующих уже об автоцензуре. Так как эта правка есть только в одном экземпляре машинописи, отделить ее от предыдущей несложно, сравнив две машинописи с авторской правкой.

Внося в текст изменения в ходе этой последней правки, Платонов прежде всего старается убрать то, что может как-то задевать возможных критиков. Так, в выражении «теперь он мчится в действительность из пушки своего класса, заряженный природным талантом и политехническим образованием» вычеркивает слова «из пушки своего класса»¹³; зачеркивает большой фрагмент про собрание, на котором Умрищев и Божев каются в своих ошибках, а потом Божев видит сон, как «его порет ремнем пролетариат» (с. 23–24). В результате такого сокращения оказывается немотивированной следующая после вычеркивания сцена, Платонов этого не замечает: «Собрание сидело в озадаченном виде. Одна Босталоева улынулась и захотела знать, в чем Умрищев и Божев каются...» (с. 25), а эпизода с покаянием уже не было. Кроме фрагментов, уязвимых в политическом плане, Платонов смягчает или даже совсем убирает излишне натуралистические сцены: вычеркивает абзац, где Босталоева пытается дать грудь брату повесившейся Айны (не очень маленькому мальчику), чтобы утешить его после смерти сестры (с. 30); редактирует эпизод, в котором Божев насилует Айну, сглаживая натурализм описания (с. 36). Кроме этого, сокращает действительно длинный диалог Федератовны с Умрищевым (с. 22) и делает несколько нейтральных замен — например, в выражении «два благожелательных голубых глаза» зачеркивает «голубых» и вписывает «степного светлого цвета» (с. 16).

Мало вероятно, что Платонов стал бы исправлять текст просто так, чтобы улучшить его или на случай, если возможность опубликовать повесть когда-нибудь представится. Вероятно, предварительная договоренность о ее публикации была, в фонде Гослитиздата сохранилась рецензия на повесть А. Платонова «Море юности». Рецензия написана Н.Г. Плиско, даты на ней нет. Рецензия отрицательная; ее главная идея — произведение пасквильное и враждебное, печатать его нельзя: «А. Платонов “Море юно-

13 ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 41. С. 3. В дальнейшем ссылки на страницы машинописи даны в тексте статьи.

сти” (5 листов). Повесть сатирическая. Написана талантливо. Автор поставил задачей разоблачить, высмеять, поиздеваться над оппортунизмом и оппортунистами. Тема хорошая, интересная, нужная. Но А. Платонов свою сатирическую издевку, во-первых, распространил на все стороны нашей действительности, в результате чего ведущие люди нашей эпохи (Бостолоева) (sic!) и близкие к ним (Вермо) выглядят карикатурно, политически неверно, а во-вторых, оппортунизм и оппортунист представляют собой нечто обывательски-мещанское, а не враждебную, сознательную силу, теоретически осмыслившую свои цели. Повесть дает издевательский акцент и над политикой индустриализации. Произведение пасквильное, и хотел того или нет автор, объективный смысл повести явно враждебный. О печатании ее, разумеется, говорить не приходится»¹⁴.

Что касается других известных официальных документов, то «Ювенильное море» названо «Морем юности» лишь однажды — в ответах Платонова на анкету Группкома Московского Товарищества Писателей, которые датируются 3 января 1934 г.: «За последние три года мною написано следующее: “Шарманка” — пьеса, “Высокое напряжение” — пьеса, “Море юности” — повесть...» [6, с. 318]. Упоминание повести под таким названием в анкете 1934 г. может косвенно свидетельствовать и о времени последней правки, ориентированной на публикацию 1934 г.

Потерпев ряд неудач с публикацией повести, Платонов решает переделать ее в рассказы, два из которых получили завершённую форму. В фонде писателя в ИМЛИ сохранился рассказ «Человек нашего времени» [2, с. 262–268] с использованием страниц машинописи «Степного дела»; под текстом рассказа стоит неполная дата, без указания года: Ленинград, 24/V. Скорее всего, «Человек нашего времени» был выделен из повести в 1934 г. — после того, как Платонов потерпел очередную неудачу с публикацией ее полного текста. И еще один большой фрагмент повести (рассказ о поездке Босталоевой в крайцентр за стройматериалами) Платонов переделал в рассказ «Стройматериалы и оборудование» — когда, неизвестно: в дате на первой машинописи рассказа тоже не указан год: «24/VI» (см. об этом ниже); вероятнее все-таки, что это был тот же 1934 г. — в пользу этой даты говорят все датированные попытки напечатать рассказ.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 386. Л. 10.

В настоящее время ничего не известно о стремлении Платонова опубликовать очерк «Человек нашего времени»; однако история «Строй-материалов и оборудования» насчитывает по крайней мере четыре таких попытки.

Первая публикация рассказа предполагалась в каком-то журнале — возможно, «30 дней», если судить по рецензентам, А. Митрофанову и П. Павленко¹⁵. Эта попытка публикации зафиксировала самое начало истории отдельного текста «Стройматериалов и оборудования», который будет переделываться потом неоднократно: фрагмент машинописи «Ювенильного моря» перепечатан без всяких изменений; полученный таким образом текст не имеет названия, которое вписано Платоновым от руки: «Стройматериалы и оборудование (рассказ)»; страницы машинописи пронумерованы тоже от руки. Этот машинописный текст Платонов правит — исправляет опечатки, убирает скрепы с «Ювенильным морем», а также «вызывающие» детали сюжета (например, факт аборта Босталоевой); что-то вписывает, что-то вычеркивает. Вот некоторые образцы его исправлений: после слов «по учреждению ходили крысы» (л. 2) вписано: «ликвидируя исторические документы.»; «коровье кало» исправлено на «коровьи лепешки» (л. 2); после слов «мне пришлось за это сделать аборт» (л. 4) вписано: «— Босталоева отвернулась, чтобы скрыть улыбку: она лгала — без страсти и влечения она не могла бы сделать даже рукопожатия, и сердце ее не имело хозрасчета». Сделав необходимые исправления, писатель отдает машинопись на перепечатку (л. 10–21).

На оценку рецензентам Платонов дает, однако, ту машинопись, в которую он вносил правку: их отзывы написаны прямо на ней. Отзывов два, один принадлежит А. Митрофанову, другой — П. Павленко. На полях первой страницы машинописи вписано: «Рассказ написан мастерски, всем Габриловичам дает фору, но... печатать можно, кое-какие строки выбросив вовсе, кое-какие радикально переделать. Обязательно! А. Митрофанов. 24/VI». На обороте последней станицы — карандашная запись: «Рассказ полон графомании, написан — с начала до конца — с издевкой. Можно напечатать в Известиях Психоневрологического института... и нигде больше. Я против категорически. П. Павленко» (л. 9). Той же рукой (т. е. рукой П. Павленко)

15 ГМЛ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 26. Ссылки на листы документа даны в тексте статьи.

и тем же простым карандашом напротив абзаца: «Из камеры суда Босталоева ушла, как актриса...» — сделана запись: «Не глупо ли?» (л. 6).

С такими отзывами рассказ, естественно, не был напечатан. И спустя некоторое время Платонов делает попытку включить его в какой-то сборник своих произведений: эту попытку зафиксировали две машинописи, хранящиеся в архиве ИМЛИ: одна машинопись является перепечаткой с той, о которой речь шла выше и которая была сделана, условно говоря, для «30 дней»; она содержит авторскую правку и редакторские пометы¹⁶; вторая машинопись — перепечатка с этой после внесения в нее правки, без нумерации страниц (что может быть только при подготовке сборника, когда не до конца ясен его состав, чтобы в итоге ввести единую нумерацию); страницы пронумерованы вручную от 50 до 61¹⁷. В настоящее время точно известно о подготовке на рубеже 1934 и 1935 гг. сборника девяти рассказов Платонова под общим названием «Такыр»: о данном сборнике свидетельствует письмо Платонова к Корнелию Зелинскому, члену редсовета «Федерации», от 1 января 1935 г. [8, с. 367–369]. Судя по письму, оно написано при пересылке Зелинскому текстов предполагаемого сборника.

Готовя «Стройматериалы и оборудование» для этого сборника, Платонов продолжает править текст: так, он заменяет «различных партийцев» на «загорелых коммунистов»; добавляет прилагательное «удаленного» в выражение «глядели в широту пространства» (получилось: «глядели в широту удаленного пространства»); вычеркивает слова «ликвидируя исторические документы», добавленные в предыдущей машинописи «Стройматериалов...» после слов «по учреждению ходили крысы» (см. выше); убирает из текста упоминание о Федератовне. Некоторые выражения и даже абзацы вычеркивает редактор — их Платонов восстанавливает, написав рядом с такими исправлениями: «Все нужно печатать», например: л. 5 (от слов «Разве поцеловать мне вас за гвозди...» и до слов «...вечером я сам сяду за автомат, вы подождете десять минут и получите свои гвозди... Везите катанку сюда»); л. 6 («Директор опустил голову к текущим делам. Босталоева сама подошла и поцеловала его — таким способом, что впоследствии, когда Босталоева уже ушла, директор ходил в уборную глядеться в зеркало, — не осталось ли чего на его лице от этой женщины, потому что он все время чувствовал

16 ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1–13. Ссылки на листы документа даны в тексте статьи.

17 ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1–12.

какой-то лишней предмет на своих губах»); л. 11 («она не гнилая либералка»); л. 12 («Зачем ты шатаешься по всему нашему бюрократизму, кустарная дурочка! Ты бы зашла ко мне сразу»). Некоторые вычеркивания редактора Платонов принимает, например: л. 1 («...и нужно ждать еще пять или десять лет, чтобы наступил коммунизм, когда механизмы вступят в труд и освободят людей для взаимного увлечения»), л. 5 (после слов «И теперь стояла перед ним эта женщина, требовательная, как республика» редактор вычеркнул «...и так же лишенная пока богатых фондов и особой прелести»; вместо вычеркнутых слов Платонов вписал: «накапливая себе богатые фонды и храня прелесть лица в запас»). Как известно, данный сборник платоновских рассказов издан не был.

Об очередной попытке Платонова опубликовать «Стройматериалы...» в 1935 г., теперь уже в журнале «Наши достижения», свидетельствует запись в документах ОГПУ от 8 октября 1935 г.: «Редакцией журнала “Наши достижения” был заказан А. Платонову очерк для специального номера, посвященного совершеннолетию ровесников Октября — молодежи, которой минет в этом году восемнадцать. А. Платонов сдал рукопись, называющуюся “Стройматериалы и оборудование”. Эта вещь представляет собой злой пасквиль на советскую действительность. Рассказывается в рукописи об одной молодой коммунистке, ездивший в краевой центр добывать гвозди для своего совхоза. Рукопись была заказана и авансирована Бобрышевым (аванс 500 рублей)» [1, с. 858]. Об этой попытке публикации свидетельствует машинопись «Стройматериалов и оборудования», хранящаяся в РГАЛИ и имеющая редакционную запись в углу на первом листе машинописи: «№ 209 / 19/IX-35 г. / 2 экз.».

Машинопись для «Наших достижений» Платонов создает на базе той машинописи, которая предполагалась для сборника (экземпляр, хранящийся в ИМЛИ, — см. выше). Номер «Наших достижений», для которого Платонову был заказан очерк, посвящался молодежи — ровесникам Октябрьской революции. Такой ровесницей Октября Платонов делает Босталоеву, подтягивая к этому юному возрасту и остальных героев рассказа; параллельно он убирает из текста те реалии, которые в конце 1935 г. уже не существуют. В результате таких исправлений, Босталоева больше не директор мясосовхоза, а помощница директора; ее возрастное определение «женщина» исправлено на «девушка», характеристика «счастливая» — на «крот-

кая»; после слов «...в скучной пустоте канцелярий.» вписано: «Ей было пока еще девятнадцать лет, и всякое чувство или настроение ее превращалось в мысль счастливой, томящей силой юности»; «РКИ» заменено на «Совконтрестом», так как наркомат Рабоче-крестьянской инспекции был ликвидирован в 1934 г.; выражение «требовательная, как республика, накапливая себе богатые фонды и храня прелесть лица в запасе» (слова, вписанные на предыдущем этапе исправления, — экземпляр ИМЛИ) исправлено на «требовательная, как республика, и милая, как рядовой товарищ»; вычеркнуто все про ювенильное море («Нам хочется достать ювенильное море, а то нам не хватает воды для водопоя...») как реакция на помету редактора на полях: «Зачем это? Непонятно»; в рассказе о встрече Босталоевой с секретарем ячейки чертежно-конструкторского института, у которого она просит динамо-машину, а он в ответ предлагает ей «выйти за него замуж через полгода», — после этих слов добавлено «когда он окончит институт». Как свидетельствует запись в документах ОГПУ, журналу «Наши достижения» рассказ тоже не подошел.

Последняя из известных попыток Платонова опубликовать «Стройматериалы...» относится к 1940 г., когда в издательстве «Советский писатель» готовился сборник его рассказов «Течение времени», куда должны были войти и «Стройматериалы...». Сборник так и не увидел света, но сохранилось несколько рецензий на него, в которых есть оценка и этого текста. Один из рецензентов сборника, Ф. Левин, пишет о рассказе очень кратко: «Хороший рассказ “Стройматериалы и оборудование”»¹⁸. Другой рецензент, Л. Разин, придерживается иной точки зрения: «Рассказ “Стройматериалы и оборудование” я воспринял как пасквиль на нашу жизнь. Сердечное отношение Босталоевой к машине, прессующей брикеты из коровьих лепешек, не вызывает никакого сочувствия и волнения. Противопоставление искренней и человеческой заботы Босталоевой сплошному бюрократическому чаду и бумажной суете совслужащих явно фальшиво. Вывод получается неверный, ложный — именно что советская система, сухая, бумажная, чадная суета, а человеческого понимания, сердечных отношений почти нет. Конец рассказа, когда Крайком, воодушевленный энтузиазмом Босталоевой, создает что-то вроде областного комбината по изготовлению брикетов из отбросов жи-

18 ГМЛ. Ф. 49 (Н. Замошкин). Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 2–6.

вотного организма, выглядит совсем издевательски. Л. Разин. 18/IX–40 г.» Третий рецензент, В. Шкловский, в своей манере почти назывных предложений дает скорее положительную оценку рассказа: «“Стройматериалы и оборудование”. Надежда Михайловна Босталоева ищет оборудование для колхоза. Рассказ напоминает один рассказ Габриловича, где показан упорный шахтер, ищущий провод для шахты. Босталоева сделана аскетичной, настойчивой. Рассказ почти хороший, но пересказ событий, детскость его нехороша». Машинопись «Стройматериалов...», предложенная для данного сборника, в настоящее время не обнаружена, однако из рецензии Л. Разина видно, что Платонов продолжал вносить в текст изменения; в этой поздней версии «Стройматериалов...» появляется такая новая сюжетная деталь, как создание крайкомом «областного комбината по изготовлению брикетов из отбросов животного организма».

К такой истории привели искренние попытки Андрея Платонова исправиться и создавать произведения, «которые бы с избытком перекрыли тот вред, который был принесен автором в прошлом...». Как он ни старался писать в соответствии с требованиями литературного заказа, у него все равно получалась «картина бракованности всей системы», «произведение пасквильное и враждебное». Повесть «Ювенильное море» была впервые опубликована в 1986 г. с правкой 1934 г.

Список литературы

- 1 Гончаров В., Нехотин В. Андрей Платонов в документах ОГПУ: Публикация // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. С. 848–885.
- 2 Дужина Н. Новые материалы к истории текста произведений Платонова 1930–1931 гг.: «Котлован», «Шарманка», «Ювенильное море». Статья и публикация // Архив А.П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Книга 1. С. 237–269.
- 3 Дужина Н. «Дело историков и краеведов» на страницах повести «Ювенильное море» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Вып. 8. С. 120–124.
- 4 Зелинский К.Л. Три встречи: Воспоминания // Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 2011. С. 132–138.

- 5 *Московская Д.С.* Первая редакция пьесы «Высокое напряжение»: «Объявление о смерти». Статья и публикация // Архив А.П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Книга 1. С. 178–236.
- 6 Платонов Андрей: воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. 486 с.
- 7 *Платонов А.* Записные книжки. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 419 с.
- 8 *Платонов А.* «...Я прожил жизнь»: Письма. М.: Астрель. 2013. 685 с.

References

- 1 Goncharov V., Nekhotin V. *Andrei Platonov v dokumentakh OGPU*: Publikatsiia [Andrey Platonov in OGPU's documents: Publications]. "Strana filosofov" *Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [Andrey Platonov's Country of Philosophers: Problems of Creative Art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2000, issue 4, pp. 848–884. (In Russ.)
- 2 Duzhina N. Novye materialy k istorii teksta proizvedenii Platonova 1930–1931 gg.: "Kotlovani", "Sharmanka", "Iuvenil'noe more": Stat'ia i publikatsiia [New materials in the history of Platonov's works, 1930–1932]. *Arkhiv A.P. Platonova* [Platonov's archive]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, book 1, pp. 237–269. (In Russ.)
- 3 Duzhina N. "Delo istorikov i kraevedov" na stranitsakh povesti "Iuvenil'noe more" ["The Campaign against Historians and Local Historians" in the pages of the story "A Juvenile Sea" by Andrey Platonov]. "Strana filosofov" *Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [Andrey Platonov's Country of Philosophers: Problems of Creative Art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, issue 8, pp. 120–124. (In Russ.)
- 4 Zelinskii K.L. *Tri vstrechi: Vospominaniia. Mezhdumolotom i nakoval'nei: Soiuz sovetskikh pisatelei SSSR. Dokumenty i kommentarii* [Three meetings: Recollections. Between a hammer and an anvil]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 132–138. (In Russ.)
- 5 Moskovskaia D.S. Pervaia redaktsiia p'esy "Vysokoe napriazhenie": "Ob'iaвление o smerti": Stat'ia i publikatsiia [The first version of a play *High Voltage*]. *Arkhiv A.P. Platonova* [Platonov's archive]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, book 1, pp. 178–236. (In Russ.)
- 6 *Platonov Andrei: vospominaniia sovremennikov. Materialy k biografii* [Andrey Platonov: Contemporary Recollections. Materials on his biography]. Moscow, Sovremennyj pisatel' Publ., 1994. 486 p. (In Russ.)
- 7 Platonov A. *Zapisnye knizhki* [Notebooks]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2000. 419 p. (In Russ.)
- 8 Platonov A. "..."*Ja prozhil zhizn'*": Pis'ma [...I have lived my life: Letters]. Moscow, Astrel' Publ., 2013. 685 p. (In Russ.)